

УДК 128

Иванова О.Э.

Челябинский государственный педагогический университет

**КОММУНИКАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СМЫСЛА
(В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ АНАЛИЗЕ В. ФРАНКЛА)**

O. Ivanova

The Chelyabinsk State Pedagogical University

**COMMUNICATION AS A CONDITION OF REALIZATION
OF SENSE (IN FRANKL'S EXISTENTIAL ANALYSIS)**

Аннотация. Экзистенциальный анализ позволяет дополнить представление о коммуникации как бытии «между я и ты» диалогического персонализма измерением логоса (необъятности смыслов). В. Франкл рассматривает смысл как уникальный смысл самоотраденного человеческого существования; это – императив, обнаруживающийся в объективной реальности, трансцендирующий границы человека в отношении к сообществу, между которыми существует диалектическая связь. Эта открытость является основанием для рассмотрения коммуникации, условием осуществления смысла в его основных формах (смысл жизни / смысл смерти, смысл страдания, смысл деятельности и смысл любви). Однако сама по себе коммуникация не реализует человеческое стремление к смыслу.

Ключевые слова: коммуникация, самоотраденность, смысл, формы смысла, смысл человеческого существования.

Abstract. Existential analysis allows of complementing the notion of communication as being «between you and I» dialogical personalism by logos dimension (the immensity of senses). V. Frankl considers sense a unique sense of self-transcendental human existence; it is an imperative found in objective reality transcending the boundaries between an individual and the community that have a dialectical connection. This openness to the world is the basis for considering communication a condition of sense realization in its basic forms (sense of life / sense of death, sense of suffering, sense of activity and sense of love). However communication alone does not implement the human aspiration to sense.

Key words: communication, self-transcendence, sense, sense forms, sense of human existence.

С позиции экзистенциального анализа, человек есть существо, ориентированное на смысл и ответственное за его осуществление. Стремление к смыслу – поискам и его осуществлению – австрийский философ Виктор Франкл определяет базовым стремлением человека. Поэтому не случайно, признавая центральное место в жизни человека (как человеческого духа) за «общением-встречей» диалогического персонализма (представленного, в частности, в субъект-объектном дуализме В. Гумбольдта, в антропологическом материализме Л. Фейербаха, в отношениях человека и Бога Ф. Эбнера и Ф. Розенцвейга, в двойственном отношении человека к миру М. Бубера [4; 6; 8; 9; 2]), Франкл дополняет это бытие коммуникации «между я и ты» измерением логоса (необъятности смыслов). «Истинное общение-встреча – это модус со-существования, открытый логосу, дающий партнерам возможность трансцендировать себя к логосу, даже способствующий ... взаимной самоотраденности» [7, 323]. В противном случае, рассуждает автор статьи «Критика чистого общения: насколько гуманистична “гуманистическая психология”», диалог, «в котором отсутствует направленность на интенционального референта», выльется во взаимный монолог, «взаимное самовыражение» [7, 322].

Проводя общий экзистенциальный анализ, Франкл подчёркивает, что вопрос о смысле жизни явно или не явно присущ самой человеческой природе. Высокоорганизованные

животные не задаются вопросом о смысле жизни: обнаружение проблематичности собственного существования, ощущение неоднозначности бытия под силу только человеку; это в большей степени (по сравнению с физиологическими различиями, а также с понятийным мышлением и речью) и выделяет человека среди других живых существ. Сомнения человека в смысле жизни нельзя, по мысли Франкла, рассматривать как проявление психической патологии: «эти сомнения в значительно большей степени отражают истинно человеческие переживания, они являются признаками самого человеческого в человеке» [7, 157]. В человеческой жизни нет ситуаций, действительно лишённых смысла: даже негативные стороны человеческого существования (смерть, страдание, вина) можно рассматривать как позитивные, содержащие смысл и подталкивающие к его осуществлению. Таким образом, рассматривая изначально в контексте первостепенного интереса врача-психотерапевта при столкновении с психическими больными, терзаемыми душевными конфликтами, категорию «смысл» Франкл определяет как специфический смысл человеческого существования.

Во франкловском человеческом существовании, первоначально «нетронутым и неоформленным материалом», прослеживается влияние локковской «чистой доски». Франкл усматривает аналогию между человеком, выстраивающим свою жизнь, и скульптором, работающим с бесформенным материалом для приобретения камнем формы: «Человек ваяет свою жизнь из того материала, который дан ему судьбой: в творчестве, в переживаниях или страдании он созидает ценности собственной жизни – каждый раз по мере своих сил формирует или ценности творчества, или ценности переживания, или ценности отношения» [7, 193].

Это «формирование» оказывается возможным при условии, что человеческое существование проживается как самотрансценденция – особое качество человеческой реальности, обозначающее внешнюю направленность человека, направленность на

нечто иное по сравнению с ним самим («на что-то или на кого-то»), в котором проявляется открытость человека миру. Самотрансценденция выражает, что, в отличие от животных, привязанных к специфической для каждого вида среде, отвечающей инстинктивному набору, человек – не замкнутая монада. В самотрансценденности человеческого существования преодолевает многообразие различных форм единство человеческого бытия, представляющее «сосуществование антропологического единства и онтологических различий, единого человеческого способа бытия и различных форм бытия, в которых он проявляется» [7, 48]. Указанное определяется Франклом в рамках «димензиональной онтологии», отвергающей изучение смысловой реальности исключительно традиционными психологическими методами и признающей утверждение уникальности и неповторимости индивидуального смысла жизни, учитывая, что «даже плоть человека всегда несет отпечаток его духа» [7, 52].

В самотрансцендентной направленности человека на другого (ориентация на «кого-то») выражается коммуникация, определяющая смысл существования отдельного человека, подобно тому, как элемент мозаики (сравнение Франкла) является носителем определённого смысла только относительно места в целой мозаичной картине. Смысл личности «трансцендирует его собственные границы в направлении к сообществу: именно направленность к сообществу позволяет смыслу индивидуальности превзойти собственные пределы» [7, 198]. Коммуникация создаёт условия, но сама по себе ещё не реализует стремление к смыслу. В самотрансцендентной направленности на смысл (ориентация на «что-то») не ограничивающейся самовыражением, происходит становление сущности самого человека: чем больше человек отдаёт себя другому, тем «в большей степени он становится самим собой» [7, 30]. Следовательно, ситуация экзистенциального анализа является ситуацией коммуникации: она учитывает «обратную связь» как в пределах автокоммуникации (хотя и в ситуации

возможного), так и в пределах коммуникации с Другим. «К любой ситуации, – подчёркивает В. Франкл, – нужно подходить так, как будто живешь во второй раз и в прошлой своей жизни уже делал ошибку, подобную той, которую собираешься совершить сейчас» [7, 192]. Учитывая эти особенности, самотрансценденция, как выход человека за пределы собственного «я», определена Франклом как фундаментальный феномен для понимания человека: устремлённость (а не влечение) к смыслу является признаком человеческого бытия, стремящегося преодолеть собственные пределы. Таким образом, смысл есть специфический смысл человеческого существования, самотрансцендирующего границы в отношении к сообществу, который реализуется в открытости человека миру.

Но что будет составлять сущность такого смысла человеческого существования? Для выявления сущностной природы смысла (онтологический аспект) необходимо обратиться к особенностям человеческого существования и сущности самого человека. Общая экзистенциальная установка указывает на неповторимость личности и своеобразие жизни человека.

Радикально критикуя постановку вопроса о смысле жизни в общем виде, В. Франкл предлагает ограничить *пределы вопроса* о смысле жизни «конкретным и частным вопросом»: проблему смысла мы не можем познать в целом, как «замысел вселенной», в силу его трансцендентности. В лучшем случае, поясняет Франкл, мы «можем постичь смысл вселенной в форме сверхсмысла, подразумеваемая под этим, что смысл целого остается непонятым и лежит за пределами постижимого» [7, 162]. Более того, рассмотрение данного вопроса он даже помещает в поле «истинное – ложное», оставаясь верным экзистенциально-философской приверженности неповторимости существования и самого человека. «Спрашивать о смысле жизни вообще, – поясняет В. Франкл, – ложная постановка вопроса, поскольку она туманно апеллирует к общим представлениям о жизни, а не к собственному конкретному, инди-

видуальному существованию каждого» [7, 190]. Принадлежащий конкретному человеку в конкретной ситуации, в силу уникальности человека и каждой ситуации, возникающей лишь однажды, когда «для каждого существует особый смысл» [7, 39], смысл можно назвать относительным исключительно его соотнесённости с конкретным человеком. Скорее, *сущностной особенностью* такого смысла является уникальность. Указанное определяется экзистенциальным представлением о неповторимости и своеобразии существования и сущности человека, лежащих в основании смысла жизни. Другими словами, не существует смыслов универсальных, они всегда уникальны, это – «уникальные смыслы индивидуальных ситуаций». Между тем было бы необоснованно индивидуализировать смыслы, являющиеся общими для определённого общества, равно как и смыслы, разделяемые исторически. Направленность к сообществу (выражаемая самотрансценденцией) позволяет выйти за пределы индивидуального смысла. Такие смыслы, являющиеся общечеловеческими, Франкл называет *ценностями* – универсалиями смысла, кристаллизующимися в типичных ситуациях при столкновении с ними общества или всего человечества. Получается, что смысл предшествует ценности. «Уникальный смысл сегодня, – заключает В. Франкл, – это универсальная ценность завтра. Таким образом творятся религии и создаются ценности» [7, 294].

Следовательно, экзистенциальный анализ настраивает на поиск существующего (в ситуации или в вопросе человека, его задающего) смысла, а не на его создание: «смыслы обнаруживаются, а не придумываются», – заключает В. Франкл. Однако далее он уже не столь категоричен в своих рассуждениях, говоря, что смысл – «это нечто, что нужно *скорее* найти, чем придать, *скорее* обнаружить, чем придумать» (выделено нами. – О.Э.) [7, 294]. Это отличает его (в рассматриваемом ключе) от экзистенциальной философии, признающей создание смыслов и ценностей человеком, и сближает с феноменологическим анализом и герменевтикой,

показывающими обнаружение (восстановление) смысла. В частности, Ж.-П. Сартр, указывая на всеобщность индивидуального смысла, когда речь идёт о бытийно-человеческой сущности смысла, настаивает на том, что определённый смысл *придаёт* жизни сам человек. «До того, как вы живёте, жизнь не представляет собой ничего. Именно вы придаёте ей определённый смысл», – замечает Сартр [5, 456]. По утверждению К. Ясперса, смысл, изначально отсутствующий, производится сознательно, в экзистенциальном отношении между людьми. Условием производства смысла человеческого существования выступает «экзистенциальная коммуникация» (подлинно-личностное общение между людьми), в которую может вступить человек, способный в одиночестве подтвердить свою сущность. Идея ясперсовского экзистенциального одиночества развивается О.Ф. Больновым (учитывающим как основополагающее положение о том, что экзистенция является последним, глубинным, нерушимым ядром человека), который указывает на «придание смысла» в связи с проблемой «новой укрывности». Больнов центральным обозначает вопрос о преодолении человеком оков «экзистентного одиночества» и возвращении для себя опоры из «внешней реальности». Под этой «несущей реальностью» он предлагает понимать другого: «другого человека, человеческое сообщество, учреждения, в которых формируется жизнь этих сообществ, а также силу духа в той мере, в которой все они плодотворны для человека – короче, всё, что может *придать* (выделено нами. – О.Э.) смысл и содержание человеческой жизни как нечто постоянное и надежное» [1, 139]. Другое дело – стремление *понять* (текст), как например, предлагает Г. Гадамер, указывая, что «собственные мысли интерпретатора с самого начала участвуют в *восстановлении* (выделено нами. – О.Э.) смысла текста» [3, 452].

Однако указанное соотношение уникального и универсального смыслов содержит противоречие: с одной стороны, уникальность смысла предполагает отсутствие смысла универсального, с другой – провозглаша-

ется универсальность смысла в историческом масштабе. Почему, *находя* смысл индивидуальной жизни, человек не обнаруживает, а *создаёт* ценности – универсалии смысла? Другими словами, почему универсалии смысла (ценности) создаются на основе обнаруживаемого уникального смысла жизни человека? Отсутствие у Франкла ответа на этот вопрос, а также его «смягчающаяся категоричность» позволяют выдвинуть предположение, в дедуктивном русле, о создании (производстве) индивидуального смысла жизни. Кроме того, обоснование производства (создания) смысла жизни человека имеется и в позиции самого экзистенциализма, признающей *формирование* сущности человека в его существовании: ведь Франкл не отказывается от экзистенциалистского «лепить» (т. е. создавать, формировать) судьбу. Безусловно, мы не идентифицируем «сущность человека» и «смысл жизни», разводя данные понятия как сущность объекта и его производное, определяемое объектом (его неповторимостью и своеобразием). Возможно, дело не в противопоставлении производства и обнаружения смысла: и то, и другое подразумевает имманентность смысла жизни, обрётённого с помощью самотрансценденции. Скорее, речь идёт об антиномичности внутреннего и внешнего смысла, противопоставлении нахождения смысла самим человеком и данности смысла извне. «Я, – пишет Франкл, – ... не устаю повторять, что смысл должен быть найден и не может быть дан, менее всего – врачом» [7, 297].

Кроме того, такое соотношение индивидуального и универсального смыслов не учитывает метасмысла, о котором Франкл упоминает в связи с тем, что представление о нём не обязательно должно быть теистичным, как и понятие самого бога. Определение бога Франкл представляет как определение операциональное, избегающее дихотомии атеистического или теистического мировоззрения: «бог – партнер в ваших наиболее интимных разговорах с самим собой» [7, 91]. Мы предлагаем рассматривать метасмысл как третий *уровень* организации производи-

мого смысла (вслед за индивидуальным и общечеловеческим смыслом), появляющийся в диалоге человека и бога.

Отдельной линией в вопросе о смысле жизни человека Франкл выделяет вопрос о смысле смерти. Ощущение человеком конечности своего бытия является фактором, ускоряющим осуществление смысла во времени. В основе осуществления смысла человеческого существования лежит принцип необратимости: перед лицом смерти «мы обязаны максимально использовать отведенное нам время жизни, мы не имеем права упускать ни единой из возможностей, сумма которых в результате делает нашу жизнь действительно полной смысла» [7, 192]. Таким образом, осознание конечности человеческого существования устанавливает пределы осуществления смысла – ограниченное в реальном физическом времени человеческое бытие.

Несмотря на то, что фактор осознания человеком конечности собственного существования и является наиболее значимым, осуществление смысла этим не ограничивается: момент разрушения жизни, страдание также может наполнить жизнь смыслом.

В. Франкл выделяет два вида страдания: болезненное / психическое и душевное. Страдание первого вида, болезнь, еще не есть духовное страдание. Рассматривать как смысложизненное мы можем только страдание второго вида, это – *глубоко человеческое страдание*, такое страдание может сделать существование человека осмысленным, особенно, если в результате его изменяется человек: страдая, человек реализует ценности отношения. Осуществляя смысл страдания, человек реализует истинно человеческое.

Хотя страдание как таковое ещё не заключает смысл, оно может выступить источником духовного напряжения, помогающего человеку осознать «то, чему не следует быть». Скорбь и раскаяние как проявления страдания, бессмысленные с прагматической точки зрения (объективно), напротив, наполнены смыслом с точки зрения внутренней жизни человека (субъективно). «Страдание своею целью имеет уберечь человека от апатии, от

духовного окоченения. Пока мы способны к страданию, мы остаемся живыми духовно» [7, 225]. Попытка решить смысложизненную проблему с помощью наркотиков или алкоголя окажется всего лишь иллюзией решения проблемы. Поэтому немаловажным становится обретение человеком способности страдать, что позволяют возможности экзистенциального анализа.

Лишение же человеческой жизни страдания является разрушением её смысла, ибо «лишь под ударами молота судьбы, в горниле страданий обретает жизнь свои содержание и форму» [7, 227]. В этом проявляется противоречивость смысла судьбы: с одной стороны, речь идёт о её формировании, с другой – о её достойном принятии. С одной стороны, человек формирует смысл своего бытия, с другой – принимает его, поскольку и в пассивном страдании заключён глубокий смысл.

Смысл как смысл деятельности происходит из ответственности перед жизнью *в деятельности*. Деятельность сама по себе еще не есть гарантия смысложизненности, только отношение к деятельности как к области реализации ценностей созидания может выступить источником наполнения жизни смыслом. В. Франкл подчёркивает, что деятельность должна быть «естественным средством, придающим полноту смысла индивидуальному существованию» [7, 240]. Смысл определяется вкладом человеческой деятельности в общество, труд лишь предоставляет человеку возможность стать уникальным, а станет ли он таковым – зависит от самого человека: «от нас самих зависит, найдут ли свое выражение в работе те личностные, неповторимые черты, которые составляют нашу индивидуальность и, таким образом, наполняют смыслом нашу жизнь» [7, 233]. В частности, смысл придаёт работе врача нечто, выходящее за пределы его медицинских обязанностей и позволяющее ему раскрыться как личности. Таким образом, деятельность задаёт характер (активно-личностный) осуществления смысла.

С позиции смысла человеческого сущес-

тования рассматривается и любовь, определяемая в этом контексте «областью, в которой ценности “переживания” особенно легко реализовать» [7, 244]: «Любовь – это “переживание” другого человека во всем его своеобразии и неповторимости» [7, 244]. Любовь есть духовная близость, духовная связь одного существа с другим, это – интенциональный акт, направленный на сущность другой личности (позволяющая понять суть человека, дающая возможность увидеть его уникальность, то, чем он есть на самом деле), не зависящий от существования и носящий вневременной характер. В любви открывается действительная природа неповторимой сущности человека. «Любовь позволяет нам ощутить личность другого человека как целый уникальный мир и тем самым приводит к расширению нашего собственного мира» [7, 261]. Поэтому выражения типа «несчастливая» или «неразделенная» любовь бессмысленны, они содержат терминологическое противоречие.

Любовь как метафизический акт обнажает сущность человека, раскрывая ценностный образ нереализованного, но потенциально в человеке: в любви один человек познаёт энтелехию другого человека. Однако сущностно *объект любви* достаточно ограничен: любить можно только личность, а значит, и смысл можно произвести и осуществить в любви к личности.

Любовь может сделать человеческое существование осмысленным, но для Франкла это всего лишь возможный, но отнюдь не единственный способ наполнить жизнь смыслом, существуют и другие возможности реализации ценностей, а потому человеку не стоит ограничивать смысл жизни наличием счастья в любви. Любовь – это возможность осуществления смысла в духовных отношениях между личностями.

Итак, в контексте экзистенциального анализа В. Франкла, смысл понимается как императив, обнаруживающийся в объективной действительности, трансцендирующий гра-

ницы человека в особом отношении к сообществу (в котором преодолеваются пределы смысла индивидуального существования) и требующий реализации в открытости человека миру. Поэтому необходимо учитывать как особенности объективной реальности, так и существующую диалектическую связь между человеческим бытием и сообществом. Смысл человеческого существования уникален, осуществляется в коммуникации (сообществе), в конкретных индивидуальных ситуациях и событиях. Коммуникация, как условие осуществления смысла в основных его формах (смысла жизни / смысла смерти, смысла страдания, смысла деятельности и смысла любви), основывается на самотрансцендентности человеческого существования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Больнов О.Ф. Новая укрытость. Проблема преодоления экзистенциализма. Введение // Философская мысль. 2001. № 2. С. 137-145.
2. Бубер М. Я и Ты / Два образа веры: Пер. с нем. / Под ред. П.С. Гуревича, С.Я. Левит, С.В. Лёзова. М.: Республика, 1995. 464 с.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
4. Гумбольдт В. Фон. О двойственном числе / Гумбольдт В. Язык и философия культуры / В. Фон Гумбольдт. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
5. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Тошнота: Избр. произведения / Пер. с фр.; вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Республика, 1994. 496 с.
6. Фейербах Л. Основы философии будущего. Издание II. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 149 с.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева; вст. ст. Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
8. Эбнер Ф. Слово и духовные реальности / От Я к Другому. Сборник переводов по проблемам intersубъективности, коммуникации, диалога / Науч. ред. А.А. Михайлов; составл. Т.В. Щитцова. Минск: Менск, 1997. 276 с.
9. Rozenzweig F. Der Stern der Erlösung / Herausgegeben von Albert Raffelt. Freiburg im Breisgau: Universitätsbibliothek, 2002. 473 s.